

ЧУВСТВО
ПРЕКРАСНОГО

Человек XV столетия мог бы высказать свой восторг от произведений искусства лишь такими словами, наличие которых следовало бы предположить разве что у восхищенного буржуа. Даже само понятие художественно-прекрасного пока что отсутствовало.

И если красота искусства пронзала душу, если она повергала в трепет, ощущение это непосредственно обращалось в чувство божественной наполненности или радости жизни.

У Дионисия Картузианца есть трактат *De venustate mundi et pulchritudine Dei* [О приятности мира и красоте Божией].

Уже самим заглавием истинная красота соотносится только с Богом; мирское может быть всего-навсего *venustus*, милovidным, приятным.

Нет ничего удивительного в том, что наличие столь рассудочного понятия прекрасного приводит к невозможности оставаться в пределах земной красоты; Дионисий, как только он хочет обрисовать прекрасное, тут же переходит к незримому: к красоте ангелов и эмпирея.

Однажды Дионисий вошел в церковь св. Иоанна в Хертогенбосе как раз в то время, когда там звучал орган; сладостная мелодия тотчас же заставила его отрешиться от самого себя, и с тающим сердцем он замер в долгом экстазе. Ощущение прекрасного стало непосредственно религиозным переживанием.

О наличии экстатического элемента в наслаждении музыкой, разумеется, было хорошо известно. "Власть гармонии, – говорит Пьер д'Айи, – столь сильно притягивает к себе человеческую душу, что она не только воспаряет над всяческими страданиями, но и отторгается от себя самой".

Если мы попытаемся вникнуть в то, что собой представляло в те времена чувство прекрасного: не в определениях понятия прекрасного, не в высказываниях по поводу переживаний, связанных с живописью или музыкой, но в случайных выражениях радостного восхищения красотой, – мы обнаружим, что выражения эти почти всегда передавали ощущение сияния или естественного движения.

